

RU

Стереотипные представления о тузах XIX века в русском языковом сознании (в рамках концептуальной метафоры ЖИЗНЬ – КАРТОЧНАЯ ИГРА)

Гананольская Е. В.

Аннотация. В статье исследуется употребление лексемы «туз» в значении ‘человек’ в письменных текстах XIX в. по результатам сплошной выборки текстов из Национального корпуса русского языка. Цель исследования – создать основу для изучения эволюции в русском языковом сознании понятия «туз». Результаты проведенного анализа позволили выявить стереотипные представления о тузе ‘человеке’ в языковом сознании носителей русского языка XIX в. и показать, что они связаны с концептуальной метафорой ЖИЗНЬ – КАРТОЧНАЯ ИГРА. В стереотипное представление о тузах этого периода входит основная сема ‘влиятельный’, а также семы ‘главный’ и ‘важный’, исходно легшие в основу метафорического переноса “игральная карта – человек”, и скрытые, потенциальные семы, связанные с игрой в карты. Последние создают основу для появления в текстах развернутых метафор и контекстных вариантов поговорок и фразеологизмов. Научная новизна работы определяется тем, что, несмотря на давний интерес ученых к изучению концептуальной метафоры карточной игры, лексема «туз» впервые стала предметом отдельного рассмотрения, в результате чего была выявлена структура стереотипного представления носителей русского языка XIX в. о тузе-человеке и показано, каким образом связь переносного значения ‘человек’ у слова «туз» с метафорой ЖИЗНЬ – КАРТОЧНАЯ ИГРА находит свое языковое выражение в текстах этого периода.

EN

Tuzy (aces) in linguistic consciousness of 19th-century Russians (within the conceptual metaphor LIFE IS A CARD GAME)

E. V. Ganapolskaya

Abstract. The article explores the use of the lexeme “туз” ‘a man’ in 19th-century texts chosen through continuous sampling in the Russian National Corpus. The aim of this work is to provide a basis for the research into the evolution of the concept of “туз” in Russian linguistic consciousness. Analysis revealed a stereotypical view of the noun “туз” among native Russian speakers of the 19th century and showed that it is related to the conceptual metaphor LIFE IS A CARD GAME. The stereotypical view of “тузы” (aces) of this period includes the main seme ‘influential’, as well as ‘main’ and ‘important’, which initially formed the basis of the metaphorical transfer “a playing card – a man”, and hidden, potential semes associated with card games. The latter form the basis for the appearance of extended metaphors and contextual variations of sayings and idioms in texts. The scientific novelty of this research is defined by the fact that, despite the long-standing interest of scientists in studying the conceptual CARD GAME metaphor, the word “туз” became the subject of a special study for the first time. As a result, the structure of the stereotypical view of “туз” among 19th-century Russian speakers has been revealed, and it has been shown how the connection between the figurative meaning of ‘a man’ in the word “туз” and the metaphor LIFE IS A CARD GAME is expressed in the texts of this period.

Введение

One of the conceptual metaphors actively evolving in modern Russian is LIFE IS A CARD GAME. It is a part of the broader metaphor LIFE IS A GAME. “The idea of playing games exists in all types of human activity. Speaking broader in everything that is alive and mobile, that lives and acts... Our whole life is a process of playing games” (Арутюнова, 2006, p. 5). However, this thesis, which seems obvious, needs proof. For example, N. V. Ufimtseva believes that in 1998-2011 “life turned from science into a game” in the everyday linguistic consciousness of young Russian speakers from different regions of Russia (Уфимцева, 2017, p. 117). In 2015-2017, she conducted a survey

that showed that “all respondents [native speakers of the Buryat, Russian, Tatar, and Yakut languages. – E. G.] except Komi believed that life was a game” (Уфимцева, 2017, p. 119).

There is also a series of scientific research on the metaphorical use of card game terms and expressions in the Russian language, which proves the interest in studying the conceptual metaphor LIFE IS A CARD GAME. Though, we could not find any research work either about the evolution of specific images related to card games, or about spheres of public life represented in Russian through the CARD GAME metaphor.

This metaphorical model is not new to the Russian language. In his preface to the “Dictionary of Card Terminology and Jargon of the 19th Century”, V. S. Vachitov wrote that by the beginning of the 19th century, card games had become so widespread that they occupied a prominent place in Russian culture (Вахитов, 2006, p. 1). According to Yu. M. Lotman, at the turn of the 18th-19th centuries, the card game acquired the features of a universal life model (Лотман, 1995). So, the essence of the problem discussed in this article is about how the understanding of life as a card game evolved in Russian linguistic consciousness, and how this process was reflected in the Russian language. Everything that “is captured” by language and gets its name in it is especially significant for a person, which is why it plays one of the major roles in thinking (Кубрякова, 2004, p. 305).

This determines the relevance of the research undertaken.

We consider that the study of the CARD GAME metaphor in Russian should begin with the study of how the images represented by playing card names have evolved. The research of the CARD GAME metaphor began with the word *козырь* (trump), which, according to the “Dictionary of Modern Russian Detective Stories: Idioms and Idiomatic Expressions” (Ганапольская, 2015, p. 280-284), is one of the so called “points of growth” in the system of modern Russian phraseology. This means that it is currently one of the centers of the CARD GAME metaphor evolution. The article discusses the word *муз* (ace), denoting a playing card, which is the closest in rank to *козырь* (trump) in the hierarchy of playing cards. The amount of the collected text examples of *муз* usages is too large, so it is impossible to describe it in one article. Thus, this article will only consider the image of a person that usually appeared in the minds of Russian-speaking people in the 19th century when they heard or saw the word *муз* (ace). The other meanings of the word *муз* in the Russian language of this period will only be mentioned briefly. This research is considered to be a starting point for studying the evolution of the semantics of the word *муз* as a component of the CARD GAME metaphor, and it aims to show the dynamic aspect of cognitive research, which is based on contextual and corpus analysis (on the dynamic aspect of cognitive research see also (Уфимцева, 2016)).

To achieve this goal, a number of tasks are being solved:

- 1) to analyze the contexts from the Russian National Corpus where the word *муз* is used;
- 2) to describe the stereotypical view of *муз* ‘a man’ in the minds of native Russian speakers of the 19th century;
- 3) to study the specific ways of verbal expression of the link between the word *муз* ‘a man’ and the CARD GAME metaphor in the 19th-century texts.

The key methods of research, aside from the descriptive method, which is mandatory in linguistic research, are the corpus method and the continuous sampling method used to collect textual material, and the statistics method. Also, the method of contextual analysis was employed to investigate the specificity of the semantics of the word *муз* and the fragment of the conceptual metaphor LIFE IS A CARD GAME, which was verbalized by this lexeme.

The textual material for the research was collected from the Russian National Corpus – the RNC (НКРЯ). As a result of continuous sampling from the Main Corpus of the RNC (1800-1899), 269 texts (561 usages) were collected.

The theoretical basis for the research was, on the one hand, a number of works by Russian and foreign linguists on the theory of metaphor, associative research on linguistic consciousness, stereotypical views in language (Алешин, Зиновьева, 2019; Арутюнова, 1978; 1990; Кубрякова, 2004; Уфимцева, 2016; Lakoff, Johnson, 1981), and, on the other hand, works by researchers on images related to card games in the Russian language (Вахитов, 2006; Катаева, 2008; Ключенко, 2006; Лотман, 1995; Петрина, 2011; Сабирова, Сабирова, 2013).

The practical significance of the work is that its results can be used in teaching educational courses on linguistic culturology, lexicology, Russian as a foreign language, as well as in lexicographic practice.

Discussion and results

As the basic provisions of the theory of conceptual metaphor are quite detailed in scientific literature (Lacoff, Johnson, 1981; Скребцова, 2018), this article will get straight to the point. The word *муз* in the meaning of a playing card has been used in Russian since the 17th century, and it is believed to have been borrowed through Polish (*tuz*) from Middle High German *tūs, dūs* (Словарь XI-XVII вв., p. 222; Ларин, 1959, p. 146). According to the RNC, in 18th-century texts (1700-1799), the word *муз* was used 6 times, of which 5 were in the metaphorical meaning of ‘blow’ (*дать туза кому* ‘to hit smb’ 3, *тузов надавать кому* ‘to hit smb’, *получить тузы от кого* ‘to be hit by smb’), and one in the direct meaning of the playing card (*бубновый муз* ‘the ace of diamonds’). (In illustrative examples, a number is placed after an expression if the number of uses for that expression is more than one or two.)

The text where *бубновый муз* is used deserves attention, as for the first time, we can see names of playing cards (ace of diamonds, ten of spades) used to describe “a person”, whose name is *счастье в игре* (luck in card games): *На сих днях из дому г. Игролюбова бежало счастье в игре и снесло с собою почти все его имение. <...> Оное счастье в игре носит платье, сшитое из руте, подпоясано винноюю десяткою, а пуговицы имеет из бубновых тузов, собою рябо, подслеповато, лице имеет бледное, но веселое* (Страхов Н. И. Сатирический вестник. Часть I. 1790 (НКРЯ)).

Since the 19th century, the word *муз* has been widely used in Russian written texts in meanings related to card games (direct and figurative), probably due to the weakening of the ban on gambling in Russia since the 2nd half

of the 18th century: *муз* 1) in a card game: a card with one point in the middle; 2) *a noble, strong man. – *дать муза* means ‘to punch’ (Словарь ЦСРЯ, 1847, р. 304). *Дать муза* in modern dictionaries of the Russian language is given in a different dictionary entry from the *муз* ‘playing card’ entry.

Similarly, the word *козырь* (trump) acquired the meaning of a playing card only in the 1770s (Ганапольская, 2024).

Let us consider in detail the use of the word *муз* in figurative meaning of ‘a man’ in the context. First of all, in the 19th century it was mostly used with the attributive adjectives, nouns in Genitive case, or definitions expressed by nouns in postposition. Text analysis shows that in the Russian linguistic consciousness *музы* ‘men’ differed according to the following criteria.

Firstly, it was **a place of residence**. Mainly *музы* were local people (*здешний муз* 4, *местный муз* 7). They lived in Russian cities (*муз горожанства*), mostly in Moscow (*московский муз* 17, *муз-москвич*, etc.), less often in St. Petersburg (*петербургский муз* 3, *муз петербургской практики* (about a doctor)), and some other cities (*пензенский муз*, *иркутский муз*, *астраханский муз*, etc.).

Музы also lived in *guberniya* ‘province’ (*губернский муз* 8, etc.), in *uyezd* ‘district’ (*уездный муз*), in big villages (*сельский муз*, etc.), and generally away from central cities (*провинциальный муз*).

The word *муз* was rarely used to denote foreigners (*заграничные музы*, *марсельский муз*).

Secondly, *музы* of the 19th century differed in their **social affiliation and status**. They were officials (*чиновный муз*, *сановный муз*, *муз-городской голова*, etc.), merchants (*купеческий муз*, *музы из купцов*, *купцы-музы*), landlords (*муз-помещик*), aristocrats (*музы-аристократы*), criminal elements (*бубновый муз* <в кандалах>, *муз*), and even schoolchildren (*муз класса*). This group of words also included *общественные музы* (community representatives).

Sometimes *музы* were differentiated from officials and aristocrats, e.g.: *С остальными музами и чиновниками оно пошло еще легче* (Салтыков-Щедрин М. Е. Помпадур и помпадурши. 1863–1874 (НКРЯ)); *После сих музов и аристократства Коломны следует необыкновенная дробь и мелочь* (Гоголь Н. В. Гоголь. Портрет. 1835 (НКРЯ)).

And thirdly, and most importantly, *музы* were differentiated according to their **fields of activity** (*музы разных служб и профессий*). The main areas of their activity were finance and banking (*финансовый муз* 12, *музы финансового мира*, *музы финансовой колоды*, *банковский муз*); commerce, trade (*коммерческий муз* 4, *музы коммерческого/торгового мира*, *музы откупной колоды*, *музы-лавочники*, *муз-[tradesman]*, *из крупных торговцев*, etc.) and the stock exchange (*биржевой муз* 7, *музы биржевого мира*), i.e. all areas related mainly to the turnover of funds.

In these examples, there are constructions “*муз какого мира*” (the ace of *some* world), where the word *мир* means ‘a group of people united by common occupations, worldviews, lifestyle features, government structure, etc.’ (Словарь XVIII в.), and “*муз какой колоды*” (the ace of *some* deck). The last one is directly related to card games. This is especially true for the phrase *муз откупной колоды* (ace of the payoff deck), as it refers to the image of an *otkupschik* (tax collector). From 1798 to 1819, Russia had a state monopoly on the trading of playing cards in the form of a pay-off system (Шевцов, 2005, р. 41). The Board of Guardians of the Orphanage gave the right to brand playing cards to tax collectors, who were making a lot of money from it.

Much less often, the word *муз* was used in the field of providing specific services or production: railway (*железнодорожный муз* 3), industry (*фабричный муз*, *музы золотопромышленной колоды*), fish trade (*рыбный муз*, etc.); medicine (*муз петербургской практики*).

The smallest subgroup consists of phrases with the word *муз* associated with the spiritual sphere of activity: culture (*театральный муз*, *музы театрального мира*, *музыкальный муз* 3, *литературный муз*, *муз в литературном мире*) and religion (*муз старообрядства*). The analysis of texts showed that phrase *театральные музы* (theatre aces) meant ‘theater administration’, and *музыкальные музы* (musical aces) – ‘famous musicians with influence’. So, in this group, the same ‘influence’ comes to the fore.

In the linguistic consciousness of Russians, it was money and wealth that made a person an ace (*муз*) (*денежный муз* 7, *музы-миллионеры*, *муз-миллионер*, *музы-капиталисты*, *богатый муз*).

The rating given to *музы* is also noteworthy. Basically, people evaluated an ace (*муз*) in terms of its place in the hierarchy of other *музы*, within the opposition “significant, important – insignificant, of no interest”; the first one was seen more often (42; the most common definitions are *первый*, *козырный*, *крупный*), or, less frequent ‘insignificant, of no interest’ (6; definitions are *некоторый*, *так называемый*, *всякого рода / разные / все эти (музы)*, *какой-нибудь*). Rarely *музы* were evaluated by their skills, knowledge, and dexterity (*муз-хозяин*; *дока*, *муз*), the time of turning into an ace (*муз*) (*скороспело-сановный муз*, *сегодняшний железнодорожный муз*), age (*в почтенных летах*), and belonging to “their own” (*свой муз*).

Expressions in which *музы* were evaluated as ‘good or bad’ or ‘someone you like or dislike’ make up the smallest group, and only in this group negative assessments are explicitly expressed. “Bad and disliked” *музы* were evaluated in terms of a) honesty of the way they make money and turn into an ace (‘dishonest’; *муз из первейших мошенников, совершит биржевое мошенничество и станет музом*), b) appearance (‘fat, well-fed’; *чем муз был толще, (общество двинулось в столовую) музами* [read *животами* ‘bellies’. – Е. Г.] *вперед*, *музов...*, *имеющих всегда такой вид, словно они только что плотно пообедали*), c) the emotional reaction that the person causes (*отвратительный муз*, *кровавый муз*). The repeating semantic link *муз* – *мошенничество*, *мошенник* ‘ace – fraud, fraudster’ refers us to the CARD GAME metaphor.

Here are also some texts that give a detailed description of two types of Russian *музы* of the 19th century. They were either extremely rich people who held high positions in society, or people who were extremely talented and influential. The texts below do not require any comments and confirm the results of the statistics above. The first type of *музы* caused negative emotions because of their lifestyle: *Нам в сущности так не свойственна западная аристократия, что все рассказы о наших музах сводятся на дикую роскошь, на пиры на целый город,*

на бесчисленные дворни, на тиранство крестьян и мелких соседей – с рабским подобострастием перед императором и двором (Герцен А. И. Былое и думы. Часть шестая. Англия. 1864 (НКРЯ)).

The second type is admired for their knowledge and intelligence: *Что это за человек этот Потемкин; глядя на него, слушаю его речи, веселее быть русским. Родятся же такие тузы. Немногому он учился, а знает все лучшие профессоров. Кажется, всего два раза я имел счастье говорить с ним, а он уже рассуждает о методе музыкального учения так здраво, что я перед ним молчу и соглашаюсь. Ужасный ум. Захоти, послезавтра будет астроном!* (Кукольник Н. В. Максим Созонтович Березовский. 1844 (НКРЯ)).

It should also be noted that the word *туз* in the figurative meaning of 'a man' already in the 19th century became the basis for a secondary metaphorical reinterpretation. In the phrase *смотреть тузами*, the word *туз* 'a man' is used as a standard of comparison; the metaphor of the card game fades into the background here: *Да у кого здесь попросишь? все и люди-то смотрят на тебя такими тузами, как будто сами господа... (...all people look at you like тузы, as if they are господа [i.e. people of a higher social class. – E. G.] (Грибоедов А. С. Студент. 1817 (НКРЯ)).*

In the main corpus of the 19th-century texts in the RNC, there are only few texts with the extended CARD GAME metaphor, e.g.: *Карточный случай перевел ее внезапно в конюшню одного из тех богачей, которые умеют получать наследства от королей, дам и даже от холопов [валетов] четырех мастей и чуть-ли не от холопства, звонкими достоинствами своими достигают до степени тузов известного разряда* (Башуцкий А. Водовоз. 1841 (НКРЯ));

– *Чего-о-с?.. Можешь ли ты, насекомое ты эдакое, можешь ли ты мне слово такое сказать? Никак того моя душа не потерпит, и как есть я купец... – Купец из рабочего дома! – перебила марушка. – А по-твоему – кто? – По-моему, бубновый туз в кандалах – вот кто по-моему! – Хм... Тэк-с!.. Пожалуй, хоть я и туз, да только козырный, – бахвалился Лука, избоченясь и расставляя ноги, – а ты – той же масти дама, а туз даму бьет. И в подтверждение этой теории он совершенно спокойно одним ударом упражнял над ней свою руку* (Крестовский В. В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 5. 1867 (НКРЯ)).

The activity of the CARD GAME metaphor in the 19th-century Russian language is clearly traced in the contextual transformations of proverbs and idioms using the image of an ace (*туз*) 'a playing card' when denoting a person. For example, in the RNC one can find several versions of the saying *Раздайся (раздвинься), грязь, навоз ползет! Прочь (ишше) грязь, навоз едет!* 'Mud, step aside, manure is crawling!' (about arrogant people who occupy a low position in society) (Михельсон, 1994, p. 169), where the social status and degree of influence of "card characters" are strictly defined, and their behavior is described in the terms of a card game: *С дороги двойка, туз идет! Прочь, шестёрка! Туз идет! Шире дорогу, туз идет!* Moreover, in the first two contexts, the metaphor of a card game structurally organizes the text:

Пушкин почтительно снял шляпу и посторонился: *«С дороги двойка: туз идет!»* Мицкевич же в ответ ему: *«Козырная двойка туза бьет»* (Авенариус В. П. Школа жизни великого юмориста. 1899 (НКРЯ));

– *Однажды Пушкин... повстречался со своим знакомым, с которым был в ссоре. Подгулявший Н... громко крикнул: – Прочь, шестерка! Туз идет! ... – Козырная шестерка и туза бьет... – преспокойно ответил он [Пушкин. – Е. G.]... (Анекдоты из жизни Пушкина, 1899, с. 8);*

– *Говорите за себя, Ревизанов, что за параллели! ...я не боюсь заявить свою авторитетность в глазах по меньшей мере десятков тысяч людей... Я теперь в таком положении, что скажу глупость – ее найдут необыкновенно умною и оригинальною мыслью; сделаю мерзость – меня оправдают необычайно широким размахом гениальной натуры... Шире дорогу, туз идет!* Настежь ворота перед финансовым гением! Да! Деньги и твердая воля делают человека гением... (Амфитеатров А. В. Отравленная совесть. Драма в 4-х действиях. 1891-1896 (НКРЯ)).

In the RNC, contextual CARD GAME variants of the idiom *сильные мира сего* (the powerful of this world) 'the most influential and powerful people in high social positions' (Федоров, 2008, p. 618) are found twice: *Тут мешались между собою карточки мужские и женские, мешались титулованные имена известнейших фамилий и сильных тузов мира сего – с тузами откупной, золотопромышленной и вообще финансовой колоды...* (Крестовский В. В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Части 1-3. 1864 (НКРЯ)); *Рядом со звездами и титулами вы бы могли здесь встретить разных тузов и знаменитостей брэнного мира сего* (Крестовский В. В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Части 1-3. 1864 (НКРЯ)). Here, the seme 'influence' also formed the basis of variation.

The traces of the connection between the word *туз* and the CARD GAME metaphor can possibly also be found in grammar. Some expressions with the word *туз* meaning 'a man', such as *выйти в тузы* and its synonyms *выйти тузами, сделаться/стать тузом*, are worth paying special attention to: *Он теперь в тузы вышел и пишет мне, что желает, по-родственному, повидаться с нами и приглашает нас с тобой и с Аркадием в город* (Тургенев И. С. Отцы и дети. 1862 (НКРЯ)).

This example is interesting both from a semantic and grammatical point of view. In modern dictionaries (БАС, p. 1108; Федоров, 1997, p. 129-130), this expression is considered to be idiomatic. On the contrary, the context analysis of the use of the verb *выходить/выйти* (the inner form of this word is "prefix *вы-* 'out' + идти 'to go'") and the results of modern research show that the only reason to consider it idiomatic is the fact that both words in it are used figuratively (*выйти в тузы* = 'to become influential (and rich) man').

The model "выходить/выйти + noun in Acc.² / Nom. pl. with preposition" has been known in Russian since long ago. In 18th-century texts, one can already find phrases like *выйти в капитаны* ('to become a captain'), *вышли в купцы* ('they became merchants'), *выйти в люди* ('to take a strong or high position in society, in life'). And in the 19th century, this model was used rather actively. In 19th-century texts, the expression *выходить/выйти в люди* is most frequently used. The dictionaries consider it idiomatic also from the 19th century. The next by quantity are *выходить/выйти в офицеры*, then – *выходить/выйти в чины*, and further a series of single uses of the expressions where in the nominative part the nouns of the following semantic groups are used: 'military

ranks' (*выйти в генералы / в драгуны / в гусары*, etc.), 'social ranks' (*выйти (тж.: вылезти) в дворяне / в чиновники / в чины / в купцы / в приказчики*), 'church ranks' (*выйти в архиереи/попы*), 'rich people' (*выйти в миллионщики / в капиталисты*), 'professionals, people of different professions' (*выйти в ученые / в классные дамы / в нолевые или военные инженеры*), 'merchants' (*выходить в купцы / в торговцы*), 'owners, hosts' (*выходить в хозяева / выйти в господа*). We can see that the word *тузы* 'people' in the expression *выйти в тузы* can refer to any of the semantic groups of nouns enumerated above, except the group of 'military ranks'. *Тузы* 'people' are connected with this group only by the idea of rank.

From the grammatical point of view, the model we are analyzing is the subject of repeated study and discussion for two reasons: a) the endings of nouns meaning animate beings; and b) the meaning of the cases itself. The case in this construction is interpreted either as a special case of using a Nominative case with a preposition, or, more often, as a second Accusative case (declension of an animate noun according to the inanimate type). The meaning of the case is defined as either "включительное" (inclusive) or "превратительное" (transforming). In the group of phrases with the structure "verb + preposition *в* + noun in plural in the Acc.²", the most numerous group consists of the verbs of relocation, which include the verb of motion *выходить/выйти* (Боейкова, 2011). In the same model, there is a separate group of expressions in which noun position is occupied by names of card games (*играть в дурачки, в свои соседи, в Акулины*) (Виноградов, 1947, p. 162; Мельчук, 1995, p. 538-539).

Without going into details, we will only add a small observation related to the topic of our research. Perhaps the model under discussion in the phrases *выйти в тузы* and *выйти в люди* is also figuratively associated with card games. *Тузы* (men) and *люди* (people) here originally meant playing cards. In this case, the inflection of the animate noun on the type of inanimate is easily explained.

This version is supported by the following statements.

1. In the 19th-century texts from the RNC, one can find a very characteristic, albeit isolated context describing the card game of "короли" (Kings), in which *вышла в короли* (literally 'she went out to kings') means 'she became a king' (in the card game): *Как это было в прошлом и в третьем году, стали играть в короли... Первая вышла в короли Жужелица, и Анна Акимовна-солдат платила ей дань, а потом тетушка стала королем, и Анна Акимовна попала в мужики, или «тютюки», что вызвало общий восторг, а Агафьюшка вышла в принцы и застыдилась от удовольствия* (Чехов А. П. Бабье царство. 1894 (НКРЯ)).

The same phrase *выйти в короли* ('to become a king' (in cards)) I. I. Lazhechnikov used figuratively in his novel "The Ice House": *Презираю иностранца, который ползает перед каким-нибудь козырным валетом, который с помощью кровавых тузов хочет выйти в короли; но менее ли достойна презрения эта русская челядь (он указал на толпу, стоявшую униженно около стен, опираясь на свои трости)?* (Лажечников И. И. Ледяной дом. 1835 (НКРЯ)).

The metaphorical transfer can be easily explained by the fact that in the 19th century, playing cards allowed people to establish important connections in society and served as a means of achieving success in their careers. S. Vakhitov in the preface to his dictionary quotes F. Bulgarin's words about the customs of Catherine the Great's time: "Good storytellers were highly valued, and many of these qualities *вышли в люди* [literally 'went out to people'], e.g. became influential and wealthy people, **as they now выходят пикетом и преферансом** [become influential thanks to Piquet and Preferans; literally 'go out by Piquet and Preferans']" (Вахитов, 2006, p. 16). That is, in the minds of people of the 19th century, there was an extremely close connection, a parallel between the "behavior" of face cards and real people. Yu. M. Lotman writes that "the combination of their [playing cards. – E. G.] internal, immanent organization, their function in a society of a certain epoch and those historical and cultural associations that were perceived as content analogues of a card game turned them into a semiotic fact", card rules were applied to people, "cards as a certain theme by their social function and immanent the mechanism imposed... powerful restrictions on the behavior of both real people and literary characters" (Лотман, 1995).

Perhaps the word *люди* (people) was applied to face cards. Cf.: *Бубны (карточн. масть) люди умны* (Даль, 1863, p. 119); *В моей колоде по мастям // Рассортированы все люди: // Сдаю я жёлуди и жлуди, // По вислоухим игрокам* (Вяземский П. А. Выдержка. 1827 (Вахитов, 2006, p. 48)).

2. For a modern person, an expression from the game of checkers immediately comes to mind – *выйти в дамки* (to go "to the kings"). However, in the 19th-century texts from the RNC, we only found three texts with this word. The phrase *выйти в тузы* was only found once in this corpus. So, the statistics here show nothing.

3. Also, noteworthy is that the meaning of the phrase "to become aces" and "become people" is "превратительное" (transforming): the transition of a person from a lower to a higher social status.

In the 19th-century texts from RNC, there is also the phrase *выйти тузами*. The meaning of the case in it, in light of the above, may be interpreted not only as an Instrumental predicative 'стали тузами' (became aces-men) or Instrumental of comparison 'как тузы' (like aces-men), but also as a result of contamination (**выйти в тузы** and **стать/сделаться тузами**): *Он рассказывает, что Антон и он прошли в детстве жесточайшую школу побоев и розог, и так как они оба вышли тузами, то он совершенно искренно думает, что железная рука, бьющая по щекам, но в то же время и ласкающая, есть символ истинной педагогики* (Чайковский П. И. Письма Н. Ф. фон-Мекк. 1879 (НКРЯ)).

In all these arguments, it is important that, perhaps, the unusual form of the noun and the "превратительное" (transforming) meaning of Acc.² in phrases such as *выйти в люди, выйти в генералы*, etc. was initially supported (if not defined?) by a GAME metaphor, and in particular, the CARD GAME metaphor (*выйти в короли*). However, so far, this is just an assumption, not supported by sufficient evidence.

In conclusion, we will briefly list other uses of the lexeme *тузы* in 19th-century texts. There are very few of them.

Among them, the expression *бубновый туз* (the ace of diamonds) is the most common. It is connected with the name of the playing card by the shape of the sign (diamond) depicted on it. At the same time, in the meaning of 'prisoner-man' this expression is used only once in the dialogue: – А [я] по-твоему – кто? – По-моему, *бубновый туз в кандалах* – вот кто по-моему! (Крестовский В. В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 5. 1867 (НКРЯ)).

In other texts, it is used in combination with <*бубновый (каторжный)*> *туз* <на спине / на спину кому>: а) as a characteristic (main feature) of a convict (*мрачные фигуры... под серыми арестантскими армяками с желтым бубновым тузом на спине, смотреть на него, облеченного в серую куртку с двумя черными каторжными тузами на спине*), б) as a figurative evaluation of a person who deserves imprisonment ([ему] *недоставало только бубнового туза на спину*), в) as a sign of arrest/prison (*избежать бубнового туза на спину, сколько теперь у него шансов за получение бубнового туза на спину, тревожно ждет бубнового туза на спину, желтую б заплатку тебе на спину*, etc.) often in the form of a wish for someone (*тебе не шубу, а, по всякой справедливости, серую сибирку, с бубновым тузом на спине*).

In several texts, the names of playing cards are associated with fortune-telling: *туз пик* (the ace of spades) is a bad sign, e.g., 'death, blow', *четыре туза* (four aces) mean 'fulfillment of desires'. Associations based on the link between playing cards and predictions will be frequently presented in early 20th-century texts.

The phrases *попадать без промаха в туза, не дать промаха в туза*, etc., which characterize a shooter's marksmanship and are associated with a card game only through the name of a playing card, deserve attention as well.

Thus, a thorough corpus analysis of the lexeme *туз*, including a traditional study of its compatibility and immediate context, allowed us to see all its figurative and associative-semantic relationships. The analysis of a large array of texts selected through a continuous sample made it possible to identify not only the conceptual metaphor itself, but also to analyze its structure and determine the system of means of its representation in language.

Conclusion

Based on the results of the study, the following conclusions can be drawn:

1. A detailed corpus study of the functioning of the word *туз* in the 19th-century texts from the RNC revealed the structure of the stereotypical view of *туз* 'a man'.

2. The main differential seme in the structure of the meaning of the word *туз* 'a man' is 'influence', which is often, but not always, is determined by the 'wealth' and less often by the 'talents/gifts' of a person in the spiritual sphere (science, music, literature, religion, etc.). The structure of the stereotypical view of *туз* 'a man' also includes the ideas about a person's place of residence, sphere of social activity, social affiliation, and status. These ideas are all verbalized in texts. The evaluation characteristics of *тузы* (aces) are verbalized in only a few texts. In these texts, Russian *тузы* (aces) are defined as people who have a special way of life and behave in a special way. The expression *бубновый туз* (ace of diamonds) stands somewhat apart, as it is not typically used to directly name a person.

3. The stereotypical view of *туз* (an ace) as a 'man' in the 19th century was associated with playing cards: a card game or fortune-telling. However, the metaphor here has a worn inner form, which means that the CARD GAME connection is not explicitly expressed (verbalized) in most texts. Nevertheless, in a number of texts there are obvious references to the conceptual metaphor LIFE IS A CARD GAME. Semes related to the card game find their verbal expression not only in words (an extended metaphor of a card game), but also in a number of set expressions (phrases based on the "*туз какой колоды*" (ace of what deck) model, the phrase *козырный туз / туз козырей*), contextual variants of sayings and idioms, and even in grammatical forms of the words (*выйти в тузы*).

The prospects for further research were outlined at the beginning of the article. This work is seen as a starting point in a series of studies on the evolution of the semantics of the lexeme *туз* and the specificity of its functioning in Russian from the 19th century to the present day within the conceptual metaphor LIFE IS A CARD GAME, which has been actively evolving in contemporary Russian.

Материалы исследования | Research materials

1. Вахитов С. В. Карточная терминология и жаргон XIX века: словарь. Изд-е 2-е, испр. и доп. Уфа: Вагант, 2006.
2. Ганапольская Е. В. Фразеологический словарь современного русского детектива: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2015. Т. 1.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. Ч. 1.
4. Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.) / Академия наук Литовской ССР, Институт литовского языка и литературы, Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А. А. Жданова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959.
5. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 2.
6. Национальный корпус русского языка. [https://ruscorpora.ru/\(НКРЯ\)](https://ruscorpora.ru/(НКРЯ))
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 2015. Вып. 30 (Словарь XI-XVII вв.).
8. Словарь русского языка XVIII века. 2001. Вып. 12. [https://xviii.iling.spb.ru/\(Словарь XVIII в.\)](https://xviii.iling.spb.ru/(Словарь XVIII в.))
9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. – Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Ленинграде, 1963. Т. 15 (БАС).
10. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук: в 4 т. СПб., 1847. Т. 4 (Словарь ЦСРЯ, 1847).

11. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. М.: Цитадель, 1997. Т. 1 (Федоров, 1997).
12. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / сост. А. И. Федоров. Изд-е 3-е, испр. М.: АСТ; Астрель, 2008 (Федоров, 2008).

Источники | References

1. Алешин А. С., Зиновьева Е. И. Стереотипное представление о коте и кошке сквозь призму компаративных фразеологизмов русского и шведского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2.
2. Анекдоты из жизни Пушкина. М.: Тип. И. Я. Полякова, 1899.
3. Арутюнова Н. Д. Виды игровых действий // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006.
4. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Жури-нской. М.: Прогресс, 1990.
5. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 4.
6. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. – Л.: Учпедгиз, 1947.
7. Воейкова М. Д. Винительный падеж // Русграм. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2011. http://rusgram.ru/new/chapter/nounpar/accusative_case/
8. Ганапольская Е. В. Козыри в руках, в рукаве, в кармане и за пазухой (трансформация образного гнезда с ядерным компонентом козырь в современном русском языке) // Неология. Неография. 2023: сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская; Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2024.
9. Катаева И. Н. Лексика карточной игры в русском языке конца XVIII – начала XX вв.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Вологда, 2008.
10. Ключенко Л. Н. Русская лексика карточных игр: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2006.
11. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук, Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
12. Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: комментарий. СПб.: Искусство-СПб, 1995. <https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lot/lot-786-.htm?cmd=p>
13. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл – Текст». М. – Вена: Школа «Языки русской культуры»; Венский славистический альманах, 1995.
14. Петрина В. С. Азартные игры как источник метафор в русском и французском языках // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 1.
15. Сабирова Л. В., Сабирова Л. А. Социолект карточной игры в пространстве образной номинации (на материале русского и английского языков) // Пушкинские чтения – 2013: художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XVIII Междунар. науч. конф. СПб., 2013.
16. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.
17. Уфимцева Н. В. Жизнь как ценность: эволюция содержания // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29).
18. Уфимцева Н. В. Содержание ценности «жизнь» в языковом сознании при межкультурном сопоставлении // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34).
19. Шевцов В. В. Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества. Томск: Томский гос. ун-т, 2005.
20. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago – L.: University of Chicago Press, 1981.

Информация об авторах | Author information

Ганапольская Елена Владимировна¹, к. филол. н., доц.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Elena Vladimirovna Ganapolskaya¹, PhD

¹ St. Petersburg State University

¹ eganapolskaya@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.12.2025; опубликовано online (published online): 29.01.2026.

Ключевые слова (keywords): концептуальная метафора; стереотипное представление; контекст; корпусная лингвистика; метафора карточной игры; conceptual metaphor; stereotypical view; context; corpus linguistics; metaphor of a card game.